

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК: 81-139

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИМПЛИЦИТНОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В РАССКАЗЕ СОМЕРСЕТА МОЭМА “THE ANT AND THE GRASSHOPPER”

Баранова Е. С.

*Забайкальский институт железнодорожного транспорта
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»,
Чита, Российская Федерация
E-mail: evgeniya_chita@mail.ru*

Статья посвящена описанию имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста в аспекте дискурс-анализа текста короткого рассказа «The Ant and the Grasshopper» британского писателя Сомерсета Моэма. Цель статьи – описать наличие имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста, по-другому раскрыть авторский замысел художественного текста. Одной из частных задач статьи является описание имплицитности авторского замысла, сюжета рассказа. Через описание образов двух братьев Рэмси – трудолюбивого «муравья-Джорджа» и беззаботного «стрекозы-Тома» подтверждается авторская интенция как намек через художественные образы к постулату библейского сюжета о «смирения» перед судьбой – этим даром Бога. Имплицитной информацией, как элемента имплицитной связности текста, является мнение Моэма о значимости искусства в обучении людей терпению, мудрости, великодушию и смирению. Предварительные результаты исследования и описания элемента дискурса художественного текста как имплицитная информация согласуются с архетипически релевантными концептами, к примеру, концептом «братская любовь» наряду с мыслью о восприятии жизни как божьего дара, благословения, как гимну радости быстротечности человеческого бытия.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, имплицитная информация, имплицитная связность, импликаатура, текст, художественный текст.

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что в лингвистике под понятием «имплицитная информация» подразумевается именно та информация, которая представлена (или описана) автором любого художественного текста неочевидно, т. е. неявно. При анализе любого художественного произведения чрезвычайно любопытно выявление и описание авторского замысла (в литературоведении), имплицитной информации (в лингвистике текста). И одним из методологических основ с позиций лингвистики выявления и описания имплицитного аспекта является дискурс-анализ. Дискурс-анализ текста, в данной статье рассказа Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper», позволяет описать наличие имплицитной информации как скрытого, неочевидного авторского замысла.

В своей автобиографии 1938 года «The Summing Up/Подведение итогов» Моэм дает ясную интерпретацию того, как он наблюдает за жизнью и ее ценностями, говоря: «For art, if it is to be reckoned as one of the great values of life, must teach men humility, tolerance, wisdom, and magnanimity / Ибо искусство, если его следует считать одной

из величайших ценностей жизни, должно учить людей смирению, терпимости, мудрости и великодушию» [13]. Думается, что именно поэтому автор взял за основу своего сюжета данного короткого рассказа известную всем басню о пользе трудолюбия и вреде праздного образа жизни, при этом преподнес читателю совершенно другую мораль. Рассказ Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper» по-иному интерпретирован в нашем дискурсе, особенно концовка рассказа с совершенно противоположным финалом, а потому, новым смыслом, наводящим на раздумия. Любопытно, что известная всем басня, точнее, ее финал, переосмыслен автором, предлагая читателю также вслед за ним осмыслить сюжет. Полагаем, что приведенная выше сентенция С. Моэма согласуется его видению пользы искусства художественного слова.

Цель статьи – описать наличие имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста в аспекте дискурсивного анализа художественного текста. Для достижения поставленной цели решаются задачи описания имплицитности авторского замысла как имплицитной информации в свете интерпретации автором известного сюжета и описание импликатур.

Языковым материалом является англоязычный текст Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper». Для анализа данного текста нами использовался метод контекстуального анализа, метод дискурс-анализа, позволяющий выявить и описать элементы дискурса наряду с описательным методом. Данный метод – метод дискурс-анализа текста, помимо выявления элементов связности текста также способствовал описанию наличия имплицитной информации, которая позволяет выяснить авторский замысел при создании рассказа.

Таким образом, методология применения дискурс-анализа как выявления и описания элементов связности текста способствует и выявлению имплицитной информации как авторской идеи рассказа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Известен тезис о том, что художественный текст всегда содержит подтекст, по-другому ту имплицитную информацию, которую всегда любопытно выявить для исследователя, как и простому читателю. Имплицитной называется информация, которая домысливается получателем сообщения, ставит перед необходимостью приложить усилия для понимания сообщения, которая не выражена в тексте вербально. Термин имплицитный используют касаясь смысла, т.е. содержания, сущности, сути чего-либо и субстратом может выступать функционирующее в тексте высказывание, часть текста, текст в целом или дискурс [12].

Согласно А. В. Кашичкину, в понятие «имплицитная информация» включены пресуппозиция (фоновые знания, необходимые для выведения смысла текста), конкретно-контекстуальный смысл (результатом интерпретации языкового содержания) и импликатура (вывод иного информативного содержания, отличающегося от конкретно-контекстуального смысла) [6]. При этом многие ученые отмечают, что имплицитная информация – результат превращения в ней имплицитного знания [4]. Имплицитная информация текста складывается из взаимодействия текстовых импликаций, пресуппозиций адресата и интенций

адресанта [1]. Импликация есть сам процесс вывода импликатуры, присутствующей в дискурс-анализе художественного текста.

При этом художественный текст представляет собой высокой степени структурированную и целостную эстетическую систему средств языка. Признаки художественного произведения – это законченность, целостность, и в художественном отношении – оформленная структура. Художественный текст – это наиболее полное выражение литературного языка. И чаще всего это явление выходит за пределы литературного языка в область национального, общенародного языка. Некоторые исследователи (Н. В. Кулибина, А. Ю. Кузнецова и др.) считают, что художественный текст более информативен, нежели другие виды текста за счет «информационной насыщенности» художественных произведений [9]. Источником имплицитности художественного произведения является сам текст, в котором, благодаря актуализации значений слов и их ассоциативным связям, возможно продуцирование адресатом определенных смыслов [2], следовательно, правильность интерпретации со стороны интерпретатора обуславливается интенцией самого текста. Художественный текст представляет собой личностную интерпретацию действительности. Другими словами, писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает именно те соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом, с одной стороны. С другой стороны, исследователю-лингвисту любопытно выявить авторские элементы кодификации действительности, окружающей автора текста реальности, преломленной в авторском художественном тексте. В этом ключе весьма небезынтересно выяснение личностного смысла текстов С. Моэма, этим глубоким аналитиком «душ человеческих».

На первый взгляд кажется очевидным то, что традиционная мораль о важности повседневного труда и аморальности праздности разрушена в рассказе Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper». Посредством иронии и аллюзии, Моэм применяет свою философию определения ценности таким образом, чтобы разоблачить Джорджа Рэмси. Поворачивая сюжетную линию вспять, создавая драматичный сюжет, Моэм демонстрирует парадоксы жизни и, как мы можем предположить, намеревается «преподать урок», касающийся «человеческой природы», обстоятельств и ситуаций. Многогранные вариации термина «истина» обрисовываются забавным образом посредством изображения персонажа Тома Рэмси. Выводы, сделанные в этом рассказе, подтверждают свободу личности быть верной своей природе. Драматичный поворот, обнаруженный в перевернутом сюжете рассказа, делает ее образцовой историей об индивидуальной терпимости, альтруизме и понимании, которые, являются ценностями, которые необходимо развивать и доводить до совершенства.

Итак, действительно ли, по мнению автора, истинность «humility, tolerance, wisdom, and magnanimity / смирение, терпимость, мудрость и великодушие» как объективно данных качеств характера достойны всякого подражания, пиетета, и вообще, восхищения? Действительно ли подобного рода басни нравоучительного

содержания, как, например, о стрекозе и муравье, смогут и способны быть достойным примером для подражания?

В своем рассказе «The Ant and the Grasshopper» С. Моэм, как кажется на первый взгляд, описывает совершенно противоположную мораль, установку совершенно иного плана, нежели финал известной всем басни о тучи-муравье и беззаботной стрекозе. Исходя из неожиданной развязки сюжета короткого рассказа С. Моэма, становится очевидным авторское «неочевидное», что и представляет, на наш взгляд, импликацию идеи автора. В этом ракурсе мы отталкиваемся от установки о том, что первостепенным видом связности художественного текста является имплицитная связность, основанная на импликациях (невыраженных смыслах, возникающих при синтагматических отношениях высказываний) и пресуппозициях (компонентах общих знаний автора и читателя, т.е. информации заведомо известной участникам коммуникации, которые остались за рамками настоящей статьи). Понять авторский замысел как идеи рассказа, по-другому, текста, возможно посредством дискурс-анализа текста. В данном случае опираемся на одно из многих значений термина – «Дискурс – речевое произведение как данность – письменная или устная» [11], что способствует выявлению авторских импликаций.

Рассказ «The Ant and the Grasshopper» начинается со ссылки на старую нравоучительную историю о Стрекозе и Муравье. Рассказчик иронически замечает: «*I sought to express my disapproval of prudence and commonsense / Я стремился выразить свое неодобрение благоразумию и здравому смыслу*» [14]. Старая забытая история интерпретирована в рассказе Моэма по-новому, с новым смыслом. Рассказ ведется от первого лица, т.е. автора и начинается с описания встречи Джорджа Рэмси, – одного из двух главных персонажей рассказа, с автором.

Джордж Рэмси принадлежит к известной семье и является очень трудолюбивым адвокатом, который никогда в своей жизни не совершал ничего аморального. Описанный Моэмом речевой портрет Джорджа с позиции лингвистики текста иллюстрирует наличие такого элемента дискурса как «связность текста». Связность текста достигается, в том числе, посредством маркеров имплицитности, необходимых для выявления глубинных смыслов текста.

Из авторского текста мы выписали следующие лексические маркеры имплицитности: «*Poor George, only a year older than his scapegrace brother, looked sixty / Бедняга Джордж был всего годом старше своего беспутного брата, но выглядел он на все шестьдесят*» [14]. Автор выделяет лексему Poor George, показывая, что за ним скрыт особый смысл, по-другому, импликацию связности текста, наталкивающую на мысль о его «бедности», с точки зрения автора.

В следующем отрывке из рассказа С. Моэма «The Ant and the Grasshopper»: «*He was in his office every morning at nine-thirty and never left it till six / Каждое утро в девять тридцать он уже сидел в своей конторе и уходил не раньше шести*»; «*He was honest, industrious, and worthy / Он был честным, трудолюбивым и во всех отношениях достойным человеком*»; «*He had a good wife, to whom he had never been unfaithful even in thought, and four daughters to whom he was the best of fathers / У него была прекрасная жена, которой он ни разу не изменил даже в мыслях, и четыре дочери, для которых он был лучшим из отцов*», «*He made a point of saving a third of*

his income and his plan was to retire at fifty-five to a little house in the country where he proposed to cultivate his garden and play golf / Он поставил себе правилом откладывать треть дохода с тем, чтобы в пятьдесят пять лет удалиться на покой в небольшой загородный дом, работать в своем саду и играть в гольф» [14], отметим наличие местоименного повтора, в данном случае местоимения «He». Известно, что повторные слова в тексте, по Ю. М. Лотману осуществляют сквозную связь всего текста, выполняя когнитивную и экспрессивно-эмоциональную функции при восприятии семантического содержания информации дискурса [10]. В данном примере, на наш взгляд, «высвечивается» повседневность и рутина его обыденной жизни, наводящая на эмотивную безрадостность подобного существования. И данное также является импликатурой как элементом связности текста.

В следующих словосочетаниях: *every morning at nine-thirty and never left it till six; had never been unfaithful even in thought; had never taken more than a fortnight's holiday in the year for a quarter of a century*, характеризующих главного героя короткого рассказа Джорджа Рэмси, наблюдается повтор *never left; had never been, had never taken* что наталкивает при анализе на глубоко скрытый подтекст как авторской интенции, намека на несчастливое существование, а не полноценную жизнь, полную радости, жизнелюбия, посредством повтора лексемы *never* / «никогда». Другими словами, значение лексемы *never* предопределяет безрадостное существование трудяги Джорджа как прообраз муравья в художественной образности текста.

Естественно оправдать героя произведения тем, что его, Джорджа Рэмси, – аскетическое самоотречение и трудовая этика в определенной степени воспитали в нем чувство морального превосходства. Джордж Рэмси как старший брат, в рассказе показан идеальным человеком, идеальным мужем, отцом и сыном, который стал успешным адвокатом и занимает почетное положение в обществе. Прежде всего, он придерживается социально-нравственных норм этики по жизни и гордится этим. Моэм изображает Джорджа как социально высоконравственного персонажа в традиционно викторианском патриархальном укладе жизни, исповедуемого англосаксами на протяжении своего многовекового уклада как единственно верного, по их мнению.

Однако С. Моэму удалось, на наш взгляд, так описать речевой портрет Джорджа, что стало возможным Читателю «усмотреть» некий авторский подтекст, а именно, – о несчастливой жизни Джорджа. И данный подтекст является имплицитной информацией текстовой «ткани» рассказа С. Моэма.

С другой стороны, Том Рэмси, младший брат, жизнь которого, напротив, является полной противоположностью жизни старшего – Джорджа Рэмси. Том, как и Джордж, тоже начинает свою жизнь в общепринятой манере: *«He had begun life decently enough: he went into business, married, and had two children / Жизнь он начал пристойно: занялся коммерцией, женился, родил двух детей»*. Но внезапно он бросает все и ведет беззаботную кочевую жизнь, стремясь к максимальному удовольствию для себя в очень эгоцентричной манере. Для Тома жизнь была бесконечным отдыхом и праздником на всю жизнь. Он следует своему внутреннему позыву и наслаждается жизнью до конца. Конечно, он отклоняется от всевозможных моральных ограничений: *«For twenty years Tom raced and gambled, philandered with*

the prettiest girls, danced, ate in the most expensive restaurants, and dressed beautifully / Двадцать лет Том играл на скачках и в казино, волочился за самыми хорошенькими женщинами, танцевал, ел в самых дорогих ресторанах и одевался с безупречным вкусом» [14].

Моэм щедро изображает его более красивым, обаятельным и способным манипулировать людьми, заставляя их верить его рассказам и одалживать деньги. Как упоминается в рассказе: «*He always looked as if he had just stepped out of a bandbox / Он всегда выглядел так, словно сошел со страницы модного журнала*». Хотя ему было сорок шесть, вы бы никогда не приняли его за человека старше тридцати пяти. *He was a most amusing companion and though you knew he was perfectly worthless you could not but enjoy his society / Он был на редкость остроумным собеседником, и хотя вы знали, что он полная никчемность, это не мешало вам получать большое удовольствие от его общества*. «*He had high spirits, an unfailing gaiety, and incredible charm / Его отличали бодрость, неугасимая веселость и невероятное обаяние*» [14].

Следующие словосочетания: «*raced and gambled / играл на скачках и в казино*», «*philandered with the prettiest girls / волочился за самыми хорошенькими женщинами*», «*ate in the most expensive restaurants / ел в самых дорогих ресторанах*», «*dressed beautifully / одевался с безупречным вкусом*», «*looked as if he had just stepped out of a bandbox / выглядел так, словно сошел со страницы модного журнала*», «*a most amusing companion and though you knew he was perfectly worthless you could not but enjoy his society / был на редкость остроумным собеседником, и хотя вы знали, что он полная никчемность, это не мешало вам получать большое удовольствие от его общества*», «*high spirits, an unfailing gaiety, and incredible charm / бодрость, неугасимая веселость и невероятное обаяние*», позволяют также, как и при описании старшего брата Джорджа, выявить имплицитную информацию как скрытый подтекст Моэма и выяснить истинное отношение Моэма к своему персонажу – Тому. Мы полагаем, что в этом отрывке текста также присутствует импликация, вербализующая авторское отношение к своему герою, как своеобразный гимн жизни, жизнелюбию, подобно персонажу из известной басни «Стрекоза и муравей» посредством лексических средств с положительной семантикой. Том в описании Сомерсета Моэма предстает человеком, полным обаяния, веселья, жизнерадостным, а потому неунывающим. В отличие от своего старшего брата, ведущего поистине пуританский образ жизни, Том получает полное удовольствие от той жизни, которую он ведет. Его невозможно назвать ханжой, а потому его образ соотносится эксплицитно с образом Стрекозы. Тогда как образ его старшего брата, эксплицирующий с образом такого персонажа как Муравей, в восприятии Читателя предстает не только ханжой, но и как показывает далее сюжет, лицемером!

Таким образом, описание такого элемента дискурс-анализа как имплицитная информация позволяет выявить имплицитный аспект авторской идеи как гимна жизнелюбию в противовес трудовой, а потому изнурительной для человека, особенно от природы легкого, веселого, жизни. На наш взгляд, в подобного рода «противопоставлении» речевых портретов двух главных персонажей рассказа С. Моэма заключается авторская мысль как имплицитная информация, ставшая доступной только при дискурс-анализе текста и вербализованная в виде импликаций.

Вербализованные импликатуры выявляют подтекстовой авторский посыл – радости Жизни. А сопоставление судеб двух братьев является своего рода «испытанием жизнью» основного посыла Бога о восприятии жизни вообще. Можно согласиться с С. Моэмом в том, что основной посыл Бога Человеку заключается в радости им от подаренной Богом жизни, «земной радости».

На уровне подтекста С. Моэм использовал такой литературоведческий прием, как антитеза для противопоставления двух героев. Антитеза как яркая стилистическая фигура контраста в ораторской речи или художественной речи заключается в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, однако связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом [7, 8]. В рассказе автор посредством антитезы раскрывает образы двух братьев, то, как изображается серьезность Джорджа Рэмси к финансово обеспеченной жизни, расшифровывает его как чисто материалистического склада ума человека. При этом его амбиции и желания структурированы в рамках его моральных и этических границ, Том же имеет противоположный взгляд: *«he always said that the money you spent on necessities was boring; the money that was amusing to spend was the money you spent on luxuries / Но он всегда утверждал, что тратить деньги на самое необходимое невыносимо скучно. Приятно и весело тратить деньги на всякую роскошь»*. Это заявление больше отражает игривое отношение Тома к жизни и деньгам, чем его материалистическую сторону его натуры. Импликатуру можно распознать в следующих выражениях: *«spent on necessities was boring / spent on luxuries»*.

В отличие от Тома, Джордж *«...looked sixty / выглядел он на все шестьдесят»* из-за тяжелой работы и его забот о благополучии членов семьи, *«... wear an expression of such deep gloom / было такое мрачное выражение лица»*, *«He looked as though the burden of the whole world sat on his shoulders / Казалось, на его плечи легли все беды мира»* [14]. Джордж, в силу привычки, мирится со многими растратами времени и денег Тома в течение двадцати лет. Кроме того, ему пришлось вмешиваться в неблагоприятные дела Тома, поскольку их фамилия была поставлена под сомнение, когда однажды один из друзей Тома, Кроншоу, выдвинул против него обвинение в мошенничестве. В конце концов, благодаря финансовой помощи и поддержке Тому, Джорджу удастся сэкономить минимальную сумму денег на будущее.

При этом любопытно отметить, что в глубине своей души он испытывает некую степень довольства от мысли, что Том в будущем будет страдать в старости из-за отсутствия обеспеченного будущего из-за своей безрассудной и расточительной манеры.

Мы не можем утверждать, что в глубине души Джордж не завидовал Тому, и его беззаботной жизни: *«he was growing old because Tom was growing old too / он радовался тому, что стареет: ведь Том тоже старел»* [14]. Эгоистичная натура и снобистская практика Джорджа Рэмси сделали его высокомерным человеком, что эксплицитно соотносит его с образом Муравья. По-видимому, Джорджу льстит мысль о том, что он очень заботливый, добрый и щедрый брат, так как каждый раз, когда Том испытывал денежные проблемы, соответственно этим доставлял хлопоты старшему, он немедленно оказывает помощь своему брату. Большею частью помощь

носит финансовый характер, а потому неизвестно насколько помощь была предложена исключительно из братской заботы? Возможно, что старшим братом двигал мотив показать свое превосходство над Томом? Имплицитно С. Моэм недвусмысленно дает понять Читателю, что т.н. финансовая помощь младшему брату была отнюдь не из чувства истинно братского отношения, а продиктована и обусловлена желанием превосходства старшего над непутевым младшим.

Следующим эпизодом из рассказа, когда Джордж узнает о внезапной судьбе в виде финансового благополучия своего младшего брата, он внезапно осознает, что он не только глубоко несчастен, но и обнаруживает истинное отношение к своей так называемой «трудовой» судьбе. Через ироническую проекцию Джорджа, бьющего кулаком по столу и говорящего: «*Damn it, it's not fair! / Черт побери, это нечестно!*», Моэм иронично изобразил стереотипный персонаж завистника. Точки возникновения имплицитной информации часто маркируются авторской пунктуацией. Данная структура содержит имплицитный смысл, который создается при помощи синтаксиса. Восклицательный знак передает раздражение. Со стороны может показаться, что бесчувственно смеяться над Джорджем, однако его реакция на новость о состоянии Тома, отражающая его притворное «братское» отношение к собственному младшему брату, дает повод для горькой усмешки. И усмешка Читателя, скорее всего, это сожаление о двуличности старшего брата по отношению к младшему, завистливости первого, а потому горькой иронии по поводу несовершенства братских отношений, вопреки библейским заветам о братской любви – чистой, бескорыстной и возвышенной, иногда доходящей до самоотречения.

Словосочетания, выраженные жестами Джорджа, такие как: «*...grew red in the face / побагровел*», «*beat his clenched fist on the table / стукнул по столу крепко стиснутым кулаком*», разоблачают социальное и моральное лицемерие Джорджа, определяют его характер, расстановку приоритетов и видение жизни с материальной точки зрения. В данном эпизоде чувствуется скрытая горькая ирония автора – Джордж проявляет ревность и испытывает чувство обделенности во всей своей жизни.

История заканчивается тем, что Том становится самым счастливым человеком не потому, что выиграл полмиллиона фунтов, а потому, что прожил жизнь так, как хотел. Тогда как Джордж оценивает успех по материальной составляющей, продолжая задаваться вопросом, как такой человек, как Том, может добиться успеха, оставаясь небрежным всю свою жизнь. При этом очевидна авторская интенция, что Том сам себе хозяин, даже если он может быть морально испорчен.

Таким образом, намеренно «искажая» ожидаемый финал рассказа, С. Моэм постулирует, на наш взгляд, торжество жизнерадостного отношения к самой жизни вместо скучного, ханжеского восприятия окружающей действительности. Старший брат Джордж прожил поистине достойную жалости жизнь, полную лишений в нравственно-этическом смысле, предвкушая бесславный финал жизни Тома, тогда как его беззаботный младший брат «вкусил те самые прелести жизни», к которым безуспешно стремился старший. Своего рода реваншем за свою жизнь Джордж надеялся узреть полное лишений и невзгод жизнь своего младшего брата – Тома. Однако развязкой финала стало неожиданное благополучие Тома, чему старший брат

был совершенно не рад. И в этой концовке, на наш взгляд, заключается та библейская мораль, сформулированная в 10 заповедях как базис нравственности человека вообще. По-нашему, Сомерсет Моэм в своем рассказе «подтвердил» свой же тезис об искусстве словесного жанра, которое «... должно учить людей смирению, терпимости, мудрости и великодушию». И именно эта идея как имплицитная информация текста Моэма проходит рефреном в рассказе, которую можно «распознать» посредством дискурс-анализа текста рассказа.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста, которая, как известно, выявляет авторскую идею сюжета данного рассказа, возможен в парадигме дискурсивного анализа. Дискурс-анализ, точнее выявление и описание его элементов, способно подтвердить и раскрыть подтекст авторского сюжета.

Посредством описания имплицитной информации показано, как раскрывается истинная природа и чувства образа Джорджа, чтобы разоблачить лицемерие и нравственную низость его характера. Вечный сюжет о двух братьях Авеле и Каине [3] развернут в рассказе классика мировой литературы Сомерсета Моэма как своеобразное предупреждение человеческой нравственности и вытекающим отсюда разного рода последствиям подобно развязке канонического библейского сюжета, где абсолютным злом выступает элементарная зависть к успехам другого, даже родного по крови человека. Импликатуры как элемент импликации, присутствующие в версии исследовательского фокуса, способны описать и выявить скрытые от поверхностного взгляда авторские интенции и авторский подтекст как глубинные смыслы художественного текста.

Мы живем в эпоху меняющихся нравственных ценностей, что иной раз способствует неправильному осмыслению жизни вообще, когда наивно полагают, что ситуации и обстоятельства нашей жизни не могут быть изменены. Художественная литература способна установить некий этический стандарт, которого мы все обязаны придерживаться. Не пользуясь откровенно морализаторскими концепциями, С. Моэм в коротком рассказе сумел так описать т.н. «братское» отношение к успехам второго брата, что выявилось ханжество и лицемерие первого, мнящего себя эталоном жизни. Противопоставляя посредством антитезы образы двух братьев, Моэм в рассказе «The Ant and the Grasshopper» пытается донести основной авторский посыл о ценности жизни, о ценности соблюдения основных христианских постулатов, одним из которых является неприятие зависти, особенно брата к брату.

Поэтому крайне перспективно и результативно изучение художественного текста в аспекте дискурс-анализа, способствующего реконструкции авторской импликатуры в том числе, с одной стороны. С другой стороны, описание элементов связности текста позволяет раскрыть условно скрытый авторский подтекст как авторскую мораль.

Список литературы

1. Акимова И. И. Способы выражения имплицитной информации художественного дискурса (на материале произведений В. Набокова): автореф. дисс. ... к. филол. н. – М., 1997. – 20 с.
2. Борисова Е. Г. Имплицитная информация в лексике // Имплицитность в языке и речи. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 30–42.
3. Бытие (4, 1-24).
4. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): автореф. дисс. ... д. филол. н. – Саратов, 2010. – 46 с.
5. Жамсаранова Р. Г. Дискурсивные особенности национального текста // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2019. – Вып. 4. – С. 22–27.
6. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2003. – 153 с.
7. Копылова А. А., Скрипченко С. Н. Антитеза в английском языке // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2018. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001014>. – (Дата обращения: 21.12.2022).
8. Корнилова Л. А. Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 150, кн. 6. – С. 260–265.
9. Кузнецова А. Ю. Лингвострановедческий анализ поэтических произведений С.А. Есенина. дис. канд. п. наук: 13.00.02. – М., 2008. – 206 с.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
11. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов теории текста // Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.
12. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209–227.
13. Maugham W. S. The Summing Up. – N.Y.: Doran & Co., 1945. – P. 303.
14. Maugham W. S. The Ant and the Grasshopper. – N.Y.: The Sun Dial press, 1938. – P. 120–126.

References

1. Akimova I. I. *Sposoby vyrazhenija implicitnoj informacii hudozhestvennogo diskursa: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [Ways of expressing implicit information of artistic discourse. Abstract of thesis]. Moscow, 1997. 20 p.
2. Borisova E. G. *Implicitnaja informacija v leksike* [Implicit information in vocabulary] // *Implicitnost' v jazyke i rechi*. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, pp. 30–42
3. Bytie (4, 1-24)
4. Ermakova E. V. *Implicitnost' v hudozhestvennom tekste: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [Implicitness in a literary text. Abstract of thesis]. Saratov, 2010. 46 p.
5. Zhamsaranova R. G. *Diskursivnye osobennosti nacional'nogo teksta* [Discursive features of the national text]. *Jazyk. Literatura. Kul'tura*, 2019, no. 4, pp. 22–27.
6. Kashichkin A. V. *Implicitnost' v kontekste perevoda: Dis. ... kand. filol. nauk* [Implicitness in the context of translation. Thesis]. Moscow, 2003. 153 p.
7. Kopylova A. A., Skripchenko S. N. «Antiteza v anglijskom yazyke» [“Antithesis in English”] *Materialy X Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum»*. *Studencheskij nauchnyj forum*, 2018. Available from: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001014> (accessed 21 December 2022).

8. Kornilova L. A. *Strukturno-funkcional'naja klassifikacija antitezy v anglojazychnoj literature i fol'klore* [Structural and functional classification of antithesis in English literature and folklore]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2008, vol. 150, no. 6, pp. 260–265.
9. Kuznecova A. Ju. *Lingvostranovedcheskij analiz pojeticheskikh proizvedenij S. A. Esenina: Dis. ... kand. pedagog. nauk* [Linguistic analysis of S. A. Yesenin's poetic works. Thesis]. Moscow, 2008. 206 p.
10. Lotman, Ju. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
11. Nikolaeva T. M. *Kratkij slovar' terminov teorii teksta* [Short dictionary of text theory terms]. Moscow, Progress Publ., 1978. 479 p.
12. Pirogova Ju. K. *Implicitnaja informacija kak sredstvo kommunikativnogo vozdejstvija i manipulirovanija* [Implicit information as means of communicative influence and manipulation]. *Problemy prikladnoj lingvistiki*. Moscow, 2001, pp. 209–227.
13. Maugham W. S. *The Summing Up*. New York, Doran & Co., 1945, p. 303.
14. Maugham W. S. *The Ant and the Grasshopper*. New York, The Sun Dial press, 1938, pp. 120–126.

THE IMPLICIT ASPECT OF SOMERSET MAUGHAM'S SHORT STORY "THE ANT AND THE GRASSHOPPER"

Baranova E. S.

The article is devoted to the description of implicit information as an element of implicit coherence of the text in the aspect of discourse analysis of the text of the short story "The Ant and the Grasshopper" by British writer Somerset Maugham. The methodological foundations of the discourse analysis of a fiction allow us to identify such an element of discourse as implicit information. The purpose of the article is to reveal the author's intention through discourse analysis, which contributes to determine the motives of expressiveness of the narrative as the author's mastery of the word. One of the particular tasks of the article is to describe the implicitness of the author's idea, the plot of the story. Through the description of the images of two Ramsey brothers: the hardworking "ant-George" and the carefree "grasshopper-Tom", the intention about the biblical postulate of "humility" before fate is confirmed. Implicit information, as an element of the implicit coherence of the text, is Maugham's opinion about the importance of art in teaching people patience, wisdom, generosity and humility. Preliminary results of the research and descriptions of the discourse element of a fiction as implicit information are consistent with archetypically relevant concepts, for example, the concept of "brotherly love" along with the idea of perceiving life as God's gift, a blessing, as a hymn of love to the joys of fleeting human existence. The relevance, novelty and perspective of the discourse analysis of a fiction is obvious for modern linguistics, especially for anthropological linguistics as a science closely related to the description of human mentality along with culture, language and cognition.

Keywords: discourse, discourse analysis, implicit information, implicit coherence, implicature, text, fiction.